

Еще раз о назначении Ивангорода

В. Е. Возгрин, А. И. Терюков

Для цитирования: *Возгрин В. Е., Терюков А. И.* Еще раз о назначении Ивангорода // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 311–322. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.120>

Статья посвящена ряду проблем, поставленных в монографии профессора А. И. Филюшкина «Изобретая первую войну России и Европы», посвященной Ливонской и иным войнам в их восприятии современниками и потомками. Одна из этих проблем привлекла внимание проф. П. А. Кротова, а именно причины многовекового устремления русских в Балтию, и он опубликовал рецензию на этот труд. В своей рецензии он подверг критике основное положение автора книги, утверждавшего, что московские властители продвигались в этом направлении, стремясь расширить и защитить свои владения, а вовсе не имея в виду развитие торгового мореплавания, как издавна принято считать. Встав на защиту традиционной точки зрения, П. А. Кротов основывает свои доказательства на примере Ивангорода, который, по его мнению, был первым балтийским морским портом Московии и даже предтечей Санкт-Петербурга. Слабость этой позиции — в ее умозрительности. Отдавая себе отчет в важности реальных доказательств функционирования Ивангорода как морского торгового порта, П. А. Кротов не приводит ни одного из них, отчего вся его рецензия теряет признаки научности. Кроме того, сосредоточившись на вымышленном им пороке книги А. И. Филюшкина, критик упустил из виду другие, вполне реальные ее недостатки. Поэтому вторая часть предлагаемой нами статьи целиком посвящена их выявлению. В целом они не носят концептуального характера (к ним относятся ошибки в написании имен исторических личностей, неточности в примечаниях, не всегда логичные выводы и другие недоработки, часть которых можно отнести к техническим), тем не менее они мешают целостному восприятию концепции автора — новаторской и объективно заслуживающей внимания. Данная статья подготовлена главным образом с целью очищения текста книги А. И. Филюшкина от досадных недочетов и небрежностей.

Ключевые слова: Балтийское море, Ливонская война, Иван Грозный, Стефан Баторий, торговое мореплавание, политическая конкуренция, коренное население.

Валерий Евгеньевич Возгрин — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.vozgrin@spbu.ru

Valerii E. Vozgrin — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.vozgrin@spbu.ru

Александр Иванович Терюков — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3, aiter2006@yandex.ru

Alexander I. Teryukov — PhD in History, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, 3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; aiter2006@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Once Again about the Purpose of Ivangorod

V. E. Vozgrin, A. I. Teryukov

For citation: Vozgrin V. E., Teryukov A. I. Once Again about the Purpose of Ivangorod. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 311–322. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.120> (In Russian)

The article analyzes a number of problems posed in the monograph by Professor A. I. Filyushkin “Inventing the First War of Russia and Europe” devoted to the perception of the Livonian and other wars by contemporaries and descendants. One of these problems — namely, the reasons for long-standing aspiration of Russians to the Baltic — attracted the attention of Professor P. A. Krotov, and he published a review of this work. His review criticizes the main position of the author of the book, according to which the Moscovite rulers moved in this direction seeking to expand and protect their possessions, and not having the aim of developing merchant shipping, as is commonly believed. Defending the traditional point of view, P. A. Krotov bases his evidence on the example of Ivangorod, which, in his opinion, became the first Baltic seaport of Muscovy and the forerunner of St. Petersburg. The weakness of the scholar’s position lies in its speculative nature. Realizing the importance of real evidence to prove the functioning of Ivangorod as a commercial seaport, P. A. Krotov does not point out a single one, which is why his entire review loses its academic validity. In addition, focusing on this fictitious drawback of the book, the critic overlooks its other, quite real flaws. Therefore, the second part of this article is entirely devoted to their identification. By and large, the article aims at correcting the shortcomings that interfere with the holistic perception of the innovative concept of A. I. Filyushkin, which is objectively worthy of attention.

Keywords: The Baltic Sea, the Livonian War, Ivan the Terrible, Stephen Báthory, Commercial Navigation, Political Competition, Indigenous People.

Книгу А. И. Филюшкина о Ливонской войне странно было бы рецензировать спустя несколько лет после ее выхода, но заняться этим нас заставил совсем недавно появившийся отзыв о ней П. А. Кротова¹, отзыв, который сам по себе не может не вызывать вопросов. Так, его автор удивляется выводу А. И. Филюшкина о том, что «выгода от переноса центра ганзейской торговли из Новгорода в Ливонию в конце XV в. была одинаковой и для России, и для Ливонии, и даже для Ганзы»². Вот так, — восклицает П. А. Кротов, — «русской торговле в Ливонии, как признал А. И. Филюшкин, мешали изо всех сил местные власти. Тут же следует вывод, что перенос центра торговли между Русью и Западом туда, где русским препятствовали свободно торговать, был выгоден и русским, и ливонцам, и Ганзейскому союзу. Остается спросить у автора: где уважение к читателям? Неужели все будут проглатывать подобное словоблудие без попыток рассуждать?»³

Напомним П. А. Кротову общеизвестный факт, что торговля бывает не «одинаковая», а прямая и транзитная, и именно последняя была выгодна и ливонским перекупщикам, и ганзейцам, и несла прибыль русским купцам, иначе они здесь

¹ Кротов П. А. Мистификация Балтийского вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Вып. 2. С. 400–410.

² Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 608.

³ Кротов П. А. Мистификация Балтийского вопроса. С. 403.

не торговали бы. А то, что транзитная торговля в этом краю процветала, могут показать дерптские торги, столетиями обслуживавшие и ганзейцев, и остзейцев, и псковичей с новгородцами⁴. Правда, последние предпочли бы прямые операции, но приходилось довольствоваться тем, что было, и не в убыток себе. Более того, как указывает немецкий коллега со ссылкой на источники, сложившаяся ситуация настолько устраивала русских купцов, что они в 1588 г. уговаривали нарвских жителей не уступать город царю Ивану. Так же вели себя русские купцы, регулярно бывавшие в Дерпте: они предупреждали тамошних людей о готовящейся осаде их города московским войском⁵.

Затем П. А. Кротов выдвигает «ряд исторических свидетельств» и повторяет «некоторые выводы исследователей о выгоде для Московии развития торговли на Балтике и озабоченности российских властей этой частью балтийского вопроса». Но в качестве такого рода «исторических свидетельств» автор книги приводит не бесспорные источники, а... былины о Соловье и Садко, которые якобы плавали «по синю морюшку». Впрочем, «Славный город Леденец» безграмотно трактуется здесь как русское название Линданисе (Таллина), между тем, судя по ряду старинных текстов, это волжский Итиль, Таллин же русские называли Кольванью, а не Линданисе. Что касается Садко, то о нем таких «исторических» свидетельств нет, и он приведен П. А. Кротовым, как говорят, «до кучи»⁶.

В разделе своей рецензии, посвященном более реальному (не былинному) времени, и сам П. А. Кротов признает, что, имея поселение в устье Невы, русские купцы совершали лишь единичные плавания, да и то не дальше Ревеля и Готланда. И даже в течение XIV в. известен всего один случай, когда русское судно добралось до Стокгольма. А наличие такого поселения в устье Невы весьма важно «для оценки желаний русских строить на балтийском побережье крепости»⁷. И здесь критик противоречит сам себе: именно крепости, а не морские порты возводили русские, что, между прочим, утверждает и А. И. Филюшкин.

По более поздним периодам расхождений между П. А. Кротовым и А. И. Филюшкиным гораздо меньше. Причина этому, на наш взгляд, — увеличившаяся масса архивных источников. Собственно, критиковать больше нечего, оба автора придерживаются исторически доказанных фактов. А что касается ранней истории, то представляется, что ни Орешек (к. XIV в.), ни Ивангород (XV в.) морскими портами не являлись, об этом не упоминают ни архивные, ни археологические источники. И, наконец, самое провальное для концепции П. А. Кротова, его ключевое по смыслу утверждение о том, что Ивангород — «новый русский морской порт на Балтике», ничем не подкреплено⁸. П. А. Кротов не обращает внимания на факт отсутствия в первоначальных крепостных стенах ворот с речной стороны. Да и в последней стадии строительства крепости ее Кольванские ворота были устроены в Малом городе, максимально удаленном от реки, а проход в теле массивной Отводной башни вообще был сделан коленчатым, т. е. радикально замедлявшим вход

⁴ Winckler A. Die deutsche Hansa in Rußland. Berlin, 1886. S. 81–82.

⁵ Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg; Lahn, 1972. S. 76.

⁶ Кротов П. А. Мистификация Балтийского вопроса. С. 403.

⁷ Там же. С. 403.

⁸ О сугубо военной цели основания Ивангорода в 1492 г. см. в: Воробьева Л. М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. М., 2013. С. 11–12.

в город⁹, не приспособленным для доставки товаров. Кроме того, течение р. Наровы здесь настолько стремительно, что причалить к отвесному Ивангородскому берегу практически невозможно¹⁰. Как же думали московские планировщики вести погрузо-разгрузочные работы в будущем «морском порту»? В принципе, конечно, они могли взять за образец соседнюю шведскую гавань в Нарвском водохранилище с прямым шоссе от причалов сквозь северные (приречные) крепостные ворота к центру города, но этого не произошло.

Общеизвестна забота Ивана IV о крепости. Источники, а их многие десятки, свидетельствуют том, что пушкари, «пищальники», «гораздые стрелки», не говоря уже об обычных гарнизонных стрельцах, командировались в Ивангород многими сотнями¹¹. Но среди десятков «ивангородских» указов царя не обнаруживается ни одного, где бы речь шла о специалистах по созданию портовой инфраструктуры. Это же касается и археологических артефактов: не найдено хотя бы одного-единственного швартового рыма или кнехта из раскопов между крепостной стеной и рекой. Отсутствуют, причем абсолютно, и письменные упоминания о реальной, действующей торговой гавани в многоязычных документах, анналах или хрониках той эпохи. Напротив, имеющиеся источники говорят о совсем иных планах царя, а именно о его намерении создать порт отнюдь не в крепости, за которой сохранялось ее исключительно оборонное назначение, а вдали от нее, на морском берегу в устье Наровы. Вот всё или почти всё, что говорится на этот счет в источниках: в конце 1550-х годов царь «велел на Нарове ниже Иванягорода на устье на морском город поставить для корабленного пристанища...»¹². То есть даже в планах отнюдь не Ивангород должен был стать таким портом, а какой-то совсем иной город, расположенный непосредственно на побережье Балтики.

Представляется, что именно из-за такой очевидности исторической ситуации самого вопроса об эвентуальном ивангородском порте в серьезной науке не существует. И как в отечественной, так и мировой историографии царит по этому поводу полная тишина. Нарушает ее лишь одинокий, торжественный голос Павла Кротова — пропагандиста легенды об ивангородской гавани: «Был новый русский морской порт на Балтике... предшественник Санкт-Петербурга» (цитата из его рецензии). А если серьезно, то пока этому заявлению не найдется профессионально сделанного подтверждения, позиция А.И. Филюшкина останется незыблемой, как и большинство остальных выводов его исследования. Заметим, впрочем, что наша апология последнего вовсе не означает отсутствия в его книге недостатков или неточностей. Как и всякое крупное исследование, она их не лишена. Укажем на них, придерживаясь при этом не тематической, а постраничной последовательности.

Уже на первых страницах труда А.И. Филюшкина встречается явно преувеличенное утверждение: «древняя Россия обладала землями... на берегах Черного моря». Смелое заявление, хотя под «землями» автор понимает единственно славянскую крепостцу Олешье в устье Днепра (X — начало XIII в.) с прилежавшей к ней

⁹ Власов А. С., Элькин Г. Н. Древнерусские крепости Северо-Запада. СПб., 2007. С. 246.

¹⁰ Косточкин В. В. Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31. М., 1952. С. 236.

¹¹ Там же. С. 304–305.

¹² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. XIII. Половина I. М., 1904. С. 281–284.

территорией диаметром 50–60 км¹³. Понятно, что экономическое или политическое значение этого крошечного эксклава было для Руси ничтожно, например, по сравнению с ролью, которую одновременно или чуть позже стали играть генуэзские колонии Крыма в жизни своей средиземноморской метрополии. А о втором доводе автора в пользу «древнерусского Причерноморья» («путь из варяг в греки (IX–X вв.) тоже проходил через Россию») вообще говорить не приходится: мало ли кто проезжал через реки и земли Киевской Руси, но это вовсе не означало отсутствие ее вклада в культуру и экономику черноморского мира.

К сожалению, А.Ф. не придал значения точности библиографических сносок-примечаний. В них встречается, без преувеличения, огромное число ошибок. Перечислять их нет технической возможности, приведем лишь один пример: только в одном примечании 10 (на с. 10) множество ошибок в ссылках к трудам таких авторов, как E. Tiberг (3 ошибки в названии его работы), S. Svensson, K. Rasmussen, E. Donnert, N. Angermann, A. Viljanti, A. Szelaгowski и St. Bodniak. Кроме того, в научных изданиях не принято воспроизводить иконографический материал без указания местонахождения оригинала¹⁴. Оставляют желать лучшего и подписи под иллюстрациями: так, в одной из них база колонны названа ее капителью¹⁵.

В тексте нередко примеры оригинального использования автором понятий и слов русского языка. Так, у автора встречается «слияние Наровы и Чудского озера»¹⁶, хотя принято говорить о слиянии рек, а не реки и озера. Из разряда такого же рода странностей еще одно замечание: «Все это время в Лицевом своде фигурируют только два субъекта Ливонской войны — Россия и Ливония... это не соответствует историческим реалиям»¹⁷. Здесь под «реалиями» автор, очевидно, подразумевает «реальность», «действительность», что далеко не одно и то же. «Реалии» — это культурные и иные признаки, специфические особенности, отличающие одну культуру или традицию от другой. Поэтому и ниже не совсем ясен смысл проблемы — насколько «восприятие Московии иноземцами соответствовало реалиям русской жизни»¹⁸.

То же можно сказать о термине «дискурс», излюбленном А.Ф. и чрезвычайно широко им трактуемом: от классического понимания термина как характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях (в противовес интуитивному схватыванию целого еще до выявления и оценки его частей), до, судя по всему, постмодернистской характеристики дискурса как особого духовного настроения и идеологических ориентаций, как они выражены в тексте. Но в книге во множестве присутствуют примеры использования термина, не укладывающиеся ни в первое, ни во второе его понимание. Так, говорится, что «Москва пыталась объединить татар и русских через дискурс совместной службы, побарания на общего врага»¹⁹. Далее, читаем, что в Европе был распространен «дискурс о росте благосостояния

¹³ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 6.

¹⁴ Там же. Ил. на с. 28 и мн. др.

¹⁵ Там же. С. 346.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 37.

¹⁸ Там же. С. 332.

¹⁹ Там же. С. 119.

России благодаря ее выходу» к морю²⁰, а также об имевшем место в войске Батория «дискурсе, что русские хотят сдаваться полякам...», и только страх перед царем их удерживает²¹. Наконец, А. Поссевино был убежден в том, что в России флота нет из-за опасения бегства русских за рубеж, и это еще один «дискурс, работающий на идею о тотальном рабстве московитов»²².

Третий термин, использование которого автором не может не вызывать вопросов, — это библейское «довлеть», т. е. «быть достаточным» (классическое «довлеть дневи злоба его» означает «каждому дню достаточно своих забот»). Но из контекста книги явствует, что А. Ф. трактует «довлеть» как «доминировать» или «преобладать»: «Что же касается сферы практической дипломатии, то здесь — при всех броских антимусульманских... лозунгах — довлел прагматизм»²³. Еще пример: «Это понимание оформлялось в устойчивой дискурсивной практике, которая потом начала уже сама по себе довлеть в восприятии других народов и стран»²⁴, и далее: «...С начала XIX в. и вплоть до наших дней в концепции Ливонской войны довлел имперский дискурс...»²⁵

Некоторые действующие лица книги почти неопределимы. Так, на с. 344 впервые всплывает некий Кристоф Мекленбургский, претендующий на пост рижского коадьютора, что вызывает недоумение: так обозначают властителей, а правил Мекленбургом в те годы не Кристоф, а герцог Иоганн Альбрехт²⁶. Правда, судя по именному указателю, этот Кристоф уже вроде бы фигурировал на с. 11, но и там о нем ничего не говорится. И лишь после тщательного прочесывания многочисленных сносок в «подвале» страницы это имя обнаруживается в названии одной из книг, впрочем, почти в неузнаваемом виде: «Christif von Meclenburg coadjutor des Rezbistums [sic!] Riga».

На с. 101 (примеч. 39) источник назван «Грамота Девлет-Гирея Ивану IV от мая 1565 г.» а сразу после этого (примеч. 40) уже по-иному: «Грамота крымского хана Девлет-Гирея Ивану IV май 1565 г.» Здесь имеют место две различные номинации одного и того же памятника (причем листы дважды цитируемого источника совпадают). Кроме того, здесь и многожды далее следовало бы полностью называть имя правящего хана (Девлет-Гиреев в истории было четыре, здесь речь идет о первом, а он и в именном указателе книги совершенно безлик). Кстати, не совсем ясно, откуда взята информация о том, что в международной политике Крымского ханства XVI в. имело место желание стать «преемником власти золотоордынских ханов над всей Восточной Европой»²⁷, сноски на источник здесь нет. Между тем известно, что, совершая свои военные походы в северном (Москва) и западном (Польша) направлениях, ханы всегда возвращались в собственные пределы, не присваивая ни славянских территорий, ни даже села или малого городка. И о какой власти орды «над всей Восточной Европой» идет речь? Тогда как даже Северщина попала под эту власть далеко не полностью, не говоря уже о польских, венгерских, литовских

²⁰ Там же. С. 552.

²¹ Там же. С. 554.

²² Там же. С. 611.

²³ Там же. С. 149.

²⁴ Там же. С. 302.

²⁵ Там же. С. 626

²⁶ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554–1561. København, 1973. S. 34

²⁷ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 115.

и орденских (тевтонских) территориях, которые ведь тоже Восточная, но отнюдь не ордынская Европа.

На с. 117 указывается, что в 1564 г. посол Нагой вел переговоры с Ян-Магометом и Сулешем, названными А. Ф. «преступниками» и сравниваемыми с теми, кто до 1563 г. сорил хана с царем и был за это репрессирован Иваном IV. Но названные лица никаких преступлений против власти не свершали. Более того, род Сулешей (Сулешевых или Яшлавских) традиционно представлял собой своеобразное родовое (потомственное) «иностранное ведомство», пользуясь высоким доверием ряда ханов на протяжении десятилетий, если не веков, и оправдывая это доверие.

Интересен и поднятый на с. 118 вопрос о титулатуре великих князей и крымских ханов: кто из них достоин именоваться «царем». По мысли автора, здесь имел место «атавизм зависимости от крымских татар» (по этой причине Иван якобы «был готов воевать со всей Европой»). Но проблема не столь проста. Дело в том, что Гирей, являясь чингизидами по прямой линии, имели право на падишахский (императорский) статус. И это право признавалось не только «безродными» турецкими султанами (у которых основателем династии был неясного происхождения эмир Осман-Гази), но и российскими, и европейскими монархами. Так, по заключении Карасубазарского мирного договора 1773 г. крымские дипломаты были извещены о том, что они могут не обнажать голов на торжественных приемах при русском дворе даже в присутствии императрицы²⁸. Это право было чрезвычайно важным: им пользовались лишь послы правящей особы, статус которой был *равнозначен* имевшемуся у российских монархов, т. е. императорскому. Так, в Третьем артикуле Кючук-Кайнарджийского мира Екатерина II вольно или невольно признает верховную власть над Крымом «Хана Чингисского поколения»²⁹, конечно, более древнего и великого, чем ее собственное.

На с. 145 А. Ф. утверждает, что «Московская Русь, несмотря на все лозунги Священной войны, на практике отличалась большой толерантностью по отношению к другим конфессиям». В других местах книги автор также отмечает саму мысль о нетерпимости московских государей к иноверным христианам, выражавшемся в мытье рук после общения с католиками или протестантами. Между тем терпимость эта весьма спорна, не говоря уже о физическом истреблении московскими владыками безвинных и беззащитных иудеев, оказавшихся на царском магистральном пути (чему в книге приводятся примеры), и упомянутое мытье рук не является чем-то немислимым в ритуальном православном обиходе. Так, игумен Киево-Печерского монастыря XI в. Феодосий считал западных католиков и армян настолько нечистыми, что не допускал даже узаконенных супружеских отношений с ними: «Христианом же своих дщерий не достоин даати за них, ни поимати их за себе... ни целования с ними не имети, ни ясть из единого сосуда. Тем же просящим у вас дайте им Бога ради ясти, но в их сосудах, аще ли не будет у них сосуда, в своем

²⁸ Архив Государственного совета. Т. 1. Ч. I. СПб., 1869. С. 125. О равнозначности падишахского и императорского статусов см.: *Haberkern E., Wallach J. F. Hilfswörterbuch für Historiker*. Bd. II. München, 1972. S. 466.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIX. СПб., 1830. Закон 14. 164.

дати, и потом, измывши сосуд, молитву дати... Несть бо жизни вечныя живущим в вере Латинстей или в Срачинстей или в Арменстей»³⁰.

Есть к сочинению А. Ф. возражения и лингвистического характера, касающиеся семантики, к ним относятся неудачно переведенные или неточно процитированные иностранные тексты. Так, немецкие Cloaken und Rackereyen — это не «живодерня и отхожие места»³¹, а «отхожие места и подневольный труд», очевидно, в оригинале имелся в виду какой-то вариант крепостного принуждения. Еще одна ошибка того же рода — в переводе цитаты из немецкого труда: “des Zaren gegen Livland entspricht der des türkischen Sultans gegen andere Länder der Christenheit”³². Здесь вообще отсутствует подлежащее. Ни «царь», ни «султан», как стоящие в генитиве, подлежащими не являются, отчего исчезает весь смысл высказывания немецкого ученого — о чем (о ком) вообще идет речь?

На с. 256 историк Л. А. Арбузов отнесен к числу «немецких прибалтийских ученых», очевидно потому, что его известная книга вышла в трех изданиях на немецком языке и лишь впоследствии была переведена на русский. На самом же деле у Леонида Александровича оба родителя были русскими, хотя после смерти матери он воспитывался в немецкой семье подруги матери, так как его отец, офицер российской армии, постоянно находился в служебных разъездах.

Чуть ниже без ссылки на источник или литературу упоминается, что в XVII в., придя в Прибалтику, шведы-протестанты «оставили в развалинах католические церковные строения...»³³. Это совершенно неверно, шведы развернули гражданское и замковое строительство, а над старыми храмами в скромном стиле кирпичной готики вознеслись барочные шпили, расширилось гражданское, дворцовое и замковое строительство. Города и в целом изменили свой провинциальный облик, впервые став органичной частью европейской урбанистической культуры³⁴. Этому содействовали и такие шведские очаги просвещения, как первые, причем «полные» гимназии, тартуская Академия Густавиана, газеты (выходившие с 1680-х годов), созданная в те же годы шведом Бенгтом Готтфридом Форселиусом сеть народных школ (8 эстляндских и 38 лифляндских), учительская семинария с преподаванием на эстонском языке и пр.³⁵ Что же касается упомянутых А. И. Филюшкиным «развалин» и всеобщего запустения Прибалтики, то оно характерно скорее для «российского» периода ее истории, для времени, когда Петром были депортированы тартусцы (почти полностью) и многие жители других очагов высокой культуры, города опустели, закрылись академия и гимназии, в Северную Эстонию вернулось крепостное право и т. п.

Далее А. И. Филюшкин сочувственно цитирует В. Д. Королюка, утверждавшего, что «русское ремесло задыхалось от отсутствия цветных и благородных металлов, поступлению которых мешал Ливонский орден»³⁶. Вывод этот анекдотичен, во-первых, потому, что не всякое ремесло основано на металле как сырье, а во-

³⁰ Патерик Киевского Печерского Монастыря. СПб.; М., 1911. С. 132.

³¹ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 155.

³² Там же. С. 336.

³³ Там же. С. 267.

³⁴ Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Таллинн, 1999. С. 95.

³⁵ Isberg A. Karl XI och den livländska adeln 1684–1695. Studier rörande det karolinska enväldets införande i Livland. Lund, 1953. Passim.

³⁶ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 275.

вторых, в Российской империи существовал ряд законоположений, на протяжении веков мешавший развитию ремесла. Достаточно вспомнить, что ремесленные цехи классического типа здесь так и не смогли сложиться, и в XIX в. их общее число в империи не достигало и тридцати³⁷, что неудивительно, так как государство рассматривало их не в качестве важной части экономики, а лишь как «фискальный инструмент»³⁸. Причем дело здесь было не в географически обособленном положении России, а именно в особенностях ее законодательства. В соседнем Крыму, например, многочисленные цеха с вполне европейскими уставами, праздниками и пр. существовали со Средневековья до 1920-х годов.

На наш взгляд, гипертрофированный объем занимает в книге история общего восприятия прарусского / русского мира на Западе за период от античности (sic!) до Нового времени, строго говоря, к основной теме труда имеющая лишь косвенное отношение. Этому посвящена десятая глава «Как Россия стала для Европы Азией, или дискурсивный контекст появления образа Ливонской войны»³⁹. Тема эта для общей ориентации и исторического просвещения читателя полезна, но не в таком же хронологическом и печатном объеме — в книге с весьма специфическим предметом исследования!

На с. 333 говорится, что «летописцы делали свои описания задним числом и строили повествование в своих хрониках» и т. д. Но ведь летописи и хроники — два принципиально различающихся жанра. Думаю, данная азбучная истина не требует разъяснений. Еще через шесть страниц покупка русским купцом медного котла, который предположительно можно «переплавить в оружие», рассматривается А. И. Филюшкиным (по мысли, приписываемой им западным стратегам) как опасность для всего христианства, отчего требуется недопущение в Московию того, «что сегодня назвали бы “высокими технологиями”»⁴⁰. И все это в одном предложении! Простое сырье (медный котел) ставится вровень с технологией, да еще и с высокой! Впрочем, недопуск сырья на опасный Восток не начался с названного инцидента и им не закончился, войдя через несколько лет в качестве отдельного (9-го) пункта в условия Позвольского договора.

Встречаются в книге и разночтения, и неверная цитация имен собственных. Так, на с. 74 и других библейский персонаж называется не только по-летописному Синахерибом, но и в различном написании (Сеннахерим, Синахериб, Синехериб), хотя для выяснения правильной передачи этого имени достаточно было бы обратиться к наиболее авторитетному справочнику, предпочитающему вариант *Сеннахирим*⁴¹. Что же говорить о еще одном имени собственном — библейском «исусе Навине», как он назван автором⁴². Встречается и «обратный вариант» ошибочного обозначения имен собственных: в тексте на с. 342, 591 и др. упоминается «ново-

³⁷ Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1953. С. 126, 173–175.

³⁸ Шубников Ю. Б. Особенности становления российского предпринимательского права // История государства и права. 2001. № 5. С. 22.

³⁹ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 291–332.

⁴⁰ Там же. С. 339.

⁴¹ Симфония, или Алфавитный указатель к Священному Писанию. Львов, 1970. С. 936. В Библейской энциклопедии (М., 1891), переизданной в 1991 г. в Москве, — Синахерим. Во всяком случае «е» не должно было превращаться в «и».

⁴² Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 181.

родский посланник Келарь Терпигорев» (ниже такое именование — Келарь — повторяется неоднократно), т. е. монастырское служебное положение «келарь» (заведующий столом, «амбарный» обительской братии) выдается за личное имя. Хотя у того же С. В. Руссова имеется характеристика в русском переводе некоего «келаря Терпигорева, упрямого, заносчивого человека» (в русском переводе) (§ 56), где он пишется со строчной, естественно, буквы. Такая небрежность распространяется и на иностранные имена собственные. Так, имя датского посла к Ивану Грозному, транслитерированное здесь вслед за Карамзиным в виде «Угрое»⁴³, неточно. Ближе к истинной форме будет «Урё», которое, по общедоступному оригиналу сочинения Ф. Аделунга⁴⁴, писалось как *Uhroe*, причем последние две буквы произносились единым звуком, в современном датском написании передающимся одной буквой «ø». Из этого же труда Аделунга следует, что оригинал дневника Клауса Урё хранится в Иностранном отделе Немецкой канцелярии копенгагенского Ригсаркива (RA TKUA), в фонде *Russische Acta de Ao. 1558 et 1559. Ihro Königl. Maytt. Gerechtsame in Liefland betreffend*. Последнее уточнение необходимо, поскольку в примечании 183 на той же странице обозначение фонда искажено.

Того же типа неточность в именовании личностей видим на с. 598, где известный шведский историк Thomas Hjärne (Томас Йерне) назван Гиарном. Говоря о сочинении И. Н. Болтина, неверно прочитавшего летописные имена собственные, автор замечает, что «татарский царь Шигалей назван им “Петром Сиселигардии”»⁴⁵, повторяя уже в собственном, авторском тексте неверное «Шигалей» вместо истинного имени касимовского хана Шейх-Али. И еще один пример такого рода: на с. 461 Фульвио Руджиери, широко известный в Европе своим письменным наследием папский легат в Польше и других странах, назван Руджери, что не соответствует сложившейся в российской историографии традиции⁴⁶ (в сноске 187 на той же странице он предстает в очередном варианте, еще более неверном — *Ruggeriero*). Другая историческая личность — магистр Фюрстенберг — на с. 514 назван правильно, но несколькими строчками ниже — уже в ином варианте, как Фюрстемберг. Здесь же встречаем два варианта написания прилагательного жмудский/жмодский.

Более чем спорно внезапно перенесенное в новейшее время, ничем не подтвержденное предположение А. Ф. относительно того, что присвоение Пскову в 2009 г. почетного звания «Города воинской славы» было связано... с Ливонской войной. Наш автор считает, что «Псков — первый и единственный русский город, подвиг защитников которого в Ливонскую войну спустя более четырех столетий оказался востребованным...» и т. д.⁴⁷ Здесь комментарии воистину излишни. Более серьезное замечание относится к манере А. Ф. иногда называть факты или события, никак не исследуя их первопричину. Например, на с. 200 он совершенно верно отмечает, что «к концу войны власти стали прибегать к жестким мерам», говоря о смотрах и мобилизации дворян, но ни словом не упоминает, что такие меры были

⁴³ Там же. С. 460.

⁴⁴ *Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, von Friedrich v. Adelong...* St. Petersburg; Leipzig, 1846. S. 222.

⁴⁵ *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 252.

⁴⁶ *Руджиери Ф.* Донесение Фульвио Руджиери папе Римскому в 1568 г. // *Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков.* М., 1991.

⁴⁷ *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 272.

вынужденными, они вызвались уклонением этого сословия от участия в непопулярной войне царя — явление, известное и зарубежным коллегам автора⁴⁸.

Вызывает некоторое удивление цепь логических выводов в заключении книги. Можно, конечно, сколь угодно говорить о праве Москвы начиная с незапамятных времен на любую территорию, куда хоть раз ступило копыто коня русского воина⁴⁹, но конкретный вывод из этой предпосылки все же несколько неожиданный: «Походы Ярослава Мудрого обеспечили легитимность претензий на Прибалтику Ивана Грозного», причем последовавшие мирные дипломатические контакты и договоры сторон лишь усугубили проигрышную позицию аборигенного населения этого края — они придали «этой легитимности не только историческое, но и юридическое обоснование»⁵⁰. Здесь автор не критично занимает точку зрения московских книжников XVI в.

К положительным сторонам новой книги профессора А. И. Филюшкина следует отнести удачно и со вкусом собранные иллюстрации, особенно хороши цветные миниатюры на вклейке средней части тома. Правда, не все иллюстрации столь очаровательны, многие из других, черно-белых, никак не отвечают требованиям, предъявляемым к публикации. Очевидно, автор стоял перед дилеммой: печатать ли единственно имеющиеся у него изображения невысокого качества, или отказаться от них? И он избрал первый вариант, что стократно оправдывается, так как даже не всегда четкие иллюстрации не только дополняют основной текст информативно, но и делают его более живым и впечатляющим.

К числу других достоинств книги следует отнести весьма интересные рассуждения автора о старинных письмах, письмовниках, их литературных и информативных качествах⁵¹. Еще более ценен вывод А. Ф., сделанный на основании компаративного текстологического анализа, — о восхождении немецких и ливонских пропагандистских летучих листов и книг к почти аналогичным материалам времен Реформации, а также антитурецким текстам еще более раннего времени — весьма свежее и точное наблюдение (с. 420).

Критика источников времен Ливонской войны и более ранних сопровождается авторской идентификацией легендарных действующих лиц этих текстов по каноническому и иным изводам Библии, а также по другим источникам древнего происхождения, такая эрудиция встречается среди новистов нечасто. Кроме того, при подготовке текста А. Ф. использовал возможности электронной корреспонденции для консультаций с коллегами из дальнего зарубежья⁵², что позволяет отнести его книгу к числу созданных на современном европейском уровне.

Несмотря на отмеченные недочеты, книга А. И. Филюшкина заслуживает высокой оценки. Упомянутые минусы не носят принципиального характера, а основные положения исследования верны и ценны своей новизной и фундаментальной обоснованностью.

⁴⁸ Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. S. 78–79.

⁴⁹ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 623.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 173.

⁵² Там же. С. 422 и др.

References

- Adamson A., Valdmaa S. *Istoriia Estonii*. Tallinn, Koolibri, 1999, 263 p. (In Russian)
- Angermann N. *Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs*. Marburg; Lahn, J. G. Herder-Institut, 1972, 134 S.
- Filyushkin A. I. *Izobretaia pervuiu voinu Rossii i Evropy. Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2003, 880 p. (In Russian)
- Haberkern E., Wallach J. F. *Hilfswörterbuch für Historiker*. Bd. II. München, Francke, 1972, 687 S.
- Isberg A. *Karl XI och den livländska adeln 1684–1695. Studier rörande det karolinska enväldets införande i Livland*. Lund: Lindstedts universitetsbokhandel, 1953, 304 S.
- Kostochkin V. V. *Krepost' Ivangorod. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR*. No. 31. Moscow, Institut arheologii RAN, 1952, pp. 224–317. (In Russian)
- Krotov P. A. Mystification of the baltic question. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 2017, iss. 2, pp. 400–410. (In Russian)
- Pazhitnov K. A. *Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolutizma*. Moscow, AN SSSR, 1953, 211 p. (In Russian)
- Rasmussen K. *Die livländische Krise 1554–1561*. København, Univesitetsforlaget, 1973, 243 S.
- Shubnikov Y. B. Osobennosti stanovleniia rossiiskogo predprinimatel'skogo prava. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2001, no. 5, pp. 18–24. (In Russian)
- Vlasov A. S., El'kin G. N. *Drevnerusskie kreposti Severo-Zapada*. St. Petersburg, Paritet, 2007, 480 p. (In Russian)
- Vorob'eva L. M. *Pribaltika na razlomakh mezhdunarodnogo sopernichestva. Ot nashestviia krestonostsev do Tartuskogo mira 1920 g.* Moscow, Izdatel'stvo FIV, 2013, 536 p. (In Russian)
- Winckler A. *Die deutsche Hansa in Rußland*. Berlin, R. L. Prager, 1886, 153 S.

Received: July 3, 2018

Accepted: November 30, 2018

Статья поступила в редакцию 3 июля 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.